

представления о широте и особенностях применения математики в науке, технике и производстве, не связывают математические конструкции с их реальными прототипами, затрудняются в использовании развитого математического аппарата в типичных для практики ситуациях.

Таким образом, можно утверждать, что:

– прикладная направленность должна рассматриваться не только на предметно-содержательном уровне, который совпадает с прикладным аспектом математики как науки, но и на процессуальном уровне с позиции возможности организации учебной и познавательной деятельности учащихся в процессе обучения и работы;

– важная роль прикладной направленности обучения математике заключается в формировании необходимых знаний, умений и навыков, необходимых для применения математики в других учебных дисциплинах, в трудовом процессе, в быту т.д.

Таким образом, осуществление прикладной направленности в обучении математике, которая связана в основном с формированием учащихся умений применять полученные знания на практике, а также преемственность при обучении являются необходимыми условиями осуществления профессиональной направленности обучения математике.

Ерохин А.К.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Основные размышления Г. Гегеля об образовании и праве содержатся в его «Философии права». Под образованием он, прежде всего, понимает образование духа, а сам этот процесс выглядит как «детальная история образования». Работа «Философия права» открывается вопросом о роли образования в становлении гражданского общества. Гражданское общество, говорит Гегель, имеет два главных принципа: индивидуальный и универсальный¹. Гражданское общество как экономическая действительность создается частными людьми, действующими в собственных интересах. Но вместе с тем, гражданское общество создается как система социальных институтов и конституируется в естественной форме *единого общества*. На смену проявлениям эгоизма и карьеризма отдельных личностей приходит иной, духовный или правовой принцип социального или коллективного интереса, в котором цели и интересы индивидуумов, наконец приведены

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 227-228.

к гармонии или тождеству. Комментируя данный процесс, Гегель говорит, что в гражданском обществе принцип универсальности допускается в форме «внешней потребности» и, следовательно, «явления»¹. Принцип универсальности сначала появляется в общественной системе в виде юридической защиты прав частных лиц, и, наконец, имплицитно делается явным в государственных функциях, регулирующих экономику, и в гражданских институтах, благодаря которым общие интересы вырастают внутри экономического мира, принимая форму коллективных целей. Но непосредственно в пределах экономической системы универсальное сначала осуществляет свое появление в форме *Bildung*, т.е. образования индивидов как части их жизненной активности. Индивиды как граждане «государства потребностей» являются *частными лицами*, «целью которых является их собственный интерес. Поскольку же эта цель опосредована всеобщим, которое, тем самым *представляется* им *средством*, то она может быть ими достигнута только постольку, поскольку они сами определяют свои желания, воление и действие всеобщим образом и делают себя звеном этой связующей цепи»².

Когда индивиды действуют как члены гражданского общества, их сознательные мотивы корыстны. Когда они думают о вещах с экономической точки зрения, они расценивают общество как «государство потребностей» и подобно либералам рассматривают его не как универсальную цель саму по себе, а как простое средство для удовлетворения собственных целей и целей других индивидов. Но это, говорит Гегель, путь, которым вещи только *являются* нам. В действительности, участвуя в гражданском обществе, индивиды включаются в череду объективных связей или значимых целей, универсальных по содержанию и по форме. Их деятельность не только приобретает объективную значимость, отличную от субъективной ценности, но и незаметно преобразовывает их «Я». Благодаря этой противоречивости субъектов, индивидуальное сознание не просто направлено на свои эгоистические или специфические цели, но приобретает универсальные и рациональные цели. «Интерес идеи, не присутствующий в сознании этих членов общества как таковых, состоит в процессе, назначение которого состоит в том, чтобы познать их идентичность и природность через естественную необходимость и через произвол потребностей до *формальной* свободы и *формальной всеобщности знания и воления*, чтобы *формировать* субъективность и ее особенности»³.

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 229.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 231.

Гегель рассматривает экономику как средство глубочайшей взаимозависимости между людьми и как широкое поле приложения жизненных сил личности, ориентированной на общее благо. Критики, например Руссо, с одной стороны, атаковали современное общество за его бесконечное потакание человеческим потребностям и желаниям, попустительство прихотям, капризам и роскоши, за способы, с помощью которых оно поддерживает «искусственные» потребности. Гегель, с другой стороны, видит в нем «момент либерализации». Те, кто подобно древним киникам отвергают современность в пользу так называемого «естественного» образа жизни, действительно несвободны, а отрицание цивилизации стало возможно «лишь благодаря этому общественному состоянию и сам (кинник) – пустой продукт роскоши»¹. В то же время, когда современное гражданское общество расширяет человеческие потребности, это – знак того, что оно поощряет индивидов ценить собственное мнение. Гражданское общество создает социальную среду, благодаря которой индивиды имеют возможность развивать моральную субъективность и субъективную свободу, свидетельствующую о проявлении Духа в современном мире.

Наращивание человеческих потребностей повышает взаимозависимость людей; им приходится приобрести навыки, необходимые для жизни и работы в гражданском обществе, а также теоретическое и практическое образование, требуемое для продуктивной деятельности. Достижение успеха в современном обществе немислимо без интеллектуальных сил, способностей, умения анализировать, быстро и гибко осуществлять мыслительные операции, ясно формулировать суждения и четко выражать их в речи. Помимо формирования *теоретических* способностей, участие в работе гражданского общества создает определенную *практическую* ориентацию на деятельность вместо безделья и летаргии, которые, с точки зрения Гегеля, характерны для ранних социальных форм (аграрных и доаграрных обществ). «Варвар ленив и отличается от образованного человека тем, что предается тупому безделью, ибо практическое образование состоит в привычке и потребности к занятию»². Практическое образование гражданского общества обусловлено потребностью и привычкой «к занятиям вообще» и привычкой «к объективной деятельности и общезначимым умениям»³.

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 238.

² Там же. С. 239.

³ Там же.

Критики современного гражданского общества видят в возрастании потребностей и расширении специализации и интеллектуализации труда усиливающуюся рабскую зависимость современного человечества от испорченной и искусственной системы. Гегель анализирует их взгляды, основанные на представлении о «невинности естественного состояния, о простоте нравов примитивных народов»¹. С этой точки зрения, замечает он, *Bildung* (*образование*) появляется как своего рода искажение. *Bildung* рассматривается критиками как культивирование наших интеллектуальных и практических способностей, как «средство для достижения... целей», удовлетворения потребностей, достижения удовольствия и удобств². Гегель отклоняет оба представления, потому что они подводят к признанию «природы духа и целей разума». «Дух обладает своей действительностью лишь посредством того, что раздваивается в себе самом, сообщает себе в естественных потребностях и в связи с этой внешней необходимостью предел и конечность, и именно тем, что *он* в *них* *встраивается*, он преодолевает их и обретает в них свое *объективное* наличное бытие. Поэтому целью разума не является ни естественная простота нравов, ни удовольствия как таковые, возникающие при развитии особенности и достигаемые посредством роста образования; она заключается в том, чтобы устранить *природную простоту*, т.е. частью пассивную самоотверженность, частью грубость знания и желаний, т.е. *непосредственность* и *единичность*, в которые погружен дух... Поэтому образование в его абсолютном определении есть *освобождение* и *работа* высшего освобождения, абсолютный, переходный пункт к уже не непосредственной, природной, а духовной, также поднятой до образа всеобщности...». Что же касается образования, представляемого в гражданском обществе как выражение «природы духа» и его целей, то Гегель говорит, что именно в форме всеобщности, достигнутой трудом, образование становится «имманентным моментом абсолютного и обладает своей бесконечной ценностью»³.

Ограничения эти коренятся не в свободе, а в факте либерализации «непосредственности и естественной простоты». Те, кто жалуется на испорченность современной культуры, полагал Гегель, принимают точку зрения «этической имплицитности»; то, что они хвалят как «невинность» и «естественность», является просто нерелексивными обычаями аграрного общества, в котором разум погружен в несвободу. Либеральные критики Гегеля

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. 232.

² Там же.

³ Там же. С. 232-233.

часто пробовали изображать его защиту «моральной жизни» как похвалу этим неререфлексивным традиционалистским диспозициям, но в целом они неправильно истолковали его точку зрения. В вышеизложенной критике гражданского общества Гегель подчеркивает, что этическая жизнь есть «бесконечное субъективное постоянство, которое больше не непосредственно и естественно, но духовно и в то же самое время обращено к универсальности», т.е. к праву. Другими словами, истинная этическая жизнь – не неосознанная привычка, но рациональная гармония с самим собою, изменяющаяся через внутренние противоречия, необходимые для процесса образования. Этическая жизнь, должным образом понятая, не может быть отрицанием образования. Фактически либерализация образования ведет к нравственному самоопределению, к бесконечной для себя существующей свободной субъективности и пониманием правовой универсальности¹.

Для Гегеля проблема заключалась не в сравнении условий жизни, делающих одних людей счастливыми и удовлетворенными даже при отсутствии комфорта, а других несчастными в благоприятных обстоятельствах, позволяющих развивать способности, господствовать над природой и удовлетворять свои потребности и желания. Его проблема, сосредоточенная на критике современного общества и его защитниках, неразрешима, потому что очень многие положения, в которых излагается его концепция, опираются на узкое понимание предполагаемых человеческих целей, даже целей счастья. Многие идеи счастья, задуманного как общее или всестороннее удовлетворение потребностей или желаний, основаны на неререфлексивном признании простых человеческих потребностей величайшей ценностью. Поэтому их удовлетворение полагается счастьем. Философски рассуждая, заявляет он, ценность счастья или удовлетворенности может быть измерена только с позиций разума и с позиций принципиальной ценности, которым и обладает «чистое счастье». «Чистота» требует, чтобы мы держались подальше от наших желаний, взвешивали их ценность и дисциплинировали их с помощью рассуждений о способах их удовлетворения, влияющих на наше благосостояние в целом. «Рефлексия, обращенная на влечения, представляя, оценивая, сопоставляя их друг с другом, а затем с их средствами, следствиями и с целостным их удовлетворением – со *счастьем*, вносит в этот материал формальную всеобщность и очищает его таким внешним способом от его грубости и варварства. В этом выявлении всеобщности мышления и состоит абсолютная ценность культуры». Нет смысла поэтому оценивать

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 233.

значение образования его вкладом в счастье; ценность самого счастья состоит в роли, которую оно играет в процессе образования¹.

Зиновьева Е.А.

ДОСТУПНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ОБЩЕСТВА

Знание является сегодня основным фактором инновационного развития общества. Возрастающее значение знаний в профессиональном компоненте трудового потенциала связано с усилением роли профессионального образования, мотивационной и культурной составляющей социального развития, а также с серьезными изменениями ценностных компонентов профессионализма, трудового взаимодействия работников. Успех любого субъекта – будь то отдельный человек, фирма или целое государство – в настоящее время стал в значительной степени определяться тем, сколько усилий, было им потрачено на накопление и обновление знаний, а также уровнем мотивации данного усилия. Знание сегодня – это источник инноваций, реальная полезная сила, «средство достижения социальных и экономических результатов»². Причем результаты проявляются вне человека – в обществе, экономике или в развитии самого знания.

Рассмотрение феномена образования вне контекста культуры невозможно, т.е. образование и культура представляют собой генетически единые, взаимообусловленные стороны процесса становления и развития социальности. Анализ идей сущности культуры Н.А. Бердяева, Л.П.Карсавина, В.В.Розанова, П.Л.Сорокина, Э.Тейлора, З.Фрейда, А.Швейцера, О.Шпенглера позволяет судить о данном социальном явлении, как об изначальной основе образовательного процесса. Культура при этом имеет явный приоритет, делая образование целиком зависимым от нее. Однако если культура представляет собой единство материальных и духовных ценностей, то образование на всем протяжении собственной истории, развертывается в том направлении и настолько, насколько в нем выражена интенция, т.к. в данном случае индивид выступает с точки зрения осознания своего намерения идти к своей цели: «сущность переходного периода в развитии индивида, осознавшего свое предназначение, состоит в переходе от простого обучения чему-

¹ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 83.

² Друкер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999, С. 95.